

От тов. Ежова

53

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

199

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)

тов. СТАЛИНУ.

Направляю протокол допроса ПЯТАКОВА Ю.Д. от 4-го января 1937 года.

ПЯТАКОВ дал подробные показания о вредительской и диверсионной деятельности контр-революционной организации:

в Москве - по химической и резиновой промышленности;

на Урале - по меди и на Уралвагонстрое;

в Западно-Сибирском крае - по углю и на Кемерово-химкомбинате;

на Украине - по углю;

в Азово-Черноморском крае - на заводе Ростсельмаш.

ПЯТАКОВ показал, что вредительско-диверсионной работой на транспорте руководили - СЕРЕБРЯКОВ Л.П. и ЛИВШИЦ Я.А.

Допрос ПЯТАКОВА о привлеченных им к к/р деятельности лицах, согласно его показаний (см. стр. 7), сейчас продолжается.-

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ СОЮЗА ССР:

(Е Ж О В)

" 5 " января 1937г.

№ 55090

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ПЯТАКОВА, Юрия Леонидовича, от 4 января 1937 года.

Вопрос: На последнем допросе вы заявили, что по вопросу о проведенной вами диверсионной и террористической работе вы дадите дополнительные откровенные показания.

Мы предлагаем вам по этим вопросам дать исчерпывающие показания.

Ответ: Я прошу не стеснять меня рамками протокольных записей моих показаний. Я подробно расскажу вам о всей моей террористическо-диверсионной деятельности и о людях, которых я привлек к этой работе.

После моего возвращения осенью 1931 г. из Берлина, где я виделся с СЕДОВЫМ и СМИРНОВЫМ и получил от них директивы ТРОЦКОГО о переходе к террору и диверсии, я начал присматриваться к людям, восстанавливать связи и активизировать имевшиеся у меня отдельные связи с троцкистами.

Нельзя сказать, что я начал это делать сразу. Это не так легко и не так просто. Тут надо было проявить максимальную осторожность. Правда, время было такое (1931 г.), что брызжащих и недовольных было много, но не всякого можно было привлечь на серьезные дела.

В 1932 г., как я уже говорил, я имел встречу с КАМЕНЕВЫМ, который сообщил мне о том, что сконструирован троцкистско-зиновьевский центр и что я в этот центр не введен.

Тогда же мне стало известно о решении создать запасный центр, в состав которого вошел и я.

В конце 1932 г. (или начале 1933 г.) был арестован И.Н. СМИРНОВ.

Надо сказать, что это обстоятельство я воспринял тревожно: мне казалось, что это провал, что раскрыто все. Это не способствовало активному развороту моей работы, приходилось первое время действовать с оглядкой.

Но когда арест СМИРНОВА никого из нас не коснулся, когда дело это свелось к локальным незначительным арестам, без вскрытия всей контрреволюционной организации, к тому времени уже широко развернувшейся, я успокоился и приступил к работе.

К этому времени относятся мои первые встречи с РАДЕКОМ и начало активной работы.

Вопрос: Когда это было?

Ответ: Это надо отнести к середине 1933 года.

Вопрос: А до 1933 года, что конкретно было сделано вами по линии выполнения директив ТРОЦКОГО о терроре и вредительстве?

Ответ: Я уже показывал на предыдущих допросах, что еще в Берлине я передал директивы ТРОЦКОГО, находившимся там ШЕСТОВУ, ЛОГИНОВУ и БИТКЕРУ. С ШЕСТОВЫМ я после этого виделся когда он привез мне письмо от ТРОЦКОГО (об этом я уже показывал) и второй раз осенью 1932 г. в Кузбассе.

Вопрос: Где в Кузбассе, по каким делам вы туда ездили?

Ответ: Я был направлен в Кузбасс с комиссией для

урегулирования вопроса о железнодорожных маршрутах Кузбассе-Магнитогорск.

На одной из станций (точно не помню на какой именно) ко мне в вагон зашел ШЕСТОВ. Мне было очень важно знать от него, как на практике он осуществляет полученные им директивы о вредительстве. Улучив момент, когда мы остались с ним вдвоем, я спросил его об этом.

Я не помню, что конкретно он говорил мне, но из его сообщений я убедился в возможности при правильном подходе вести подрывную работу, незаметную для непосвященных и ощутительную по своим результатам.

Вопрос: Где у вас происходил разговор с ШЕСТОВЫМ?

Ответ: В нашем вагоне.

Вопрос: И никого при этом разве не было? ШЕСТОВ показывает, что при вашем с ним разговоре присутствовал ФРАНКФУРТ?

Ответ: Это действительно было так. ФРАНКФУРТ действительно был у меня в вагоне и мой разговор с ШЕСТОВЫМ был именно при нем.

Вопрос: Значит ФРАНКФУРТ был в курсе вашей контрреволюционной деятельности?

Ответ: Коль скоро возник вопрос о ФРАНКФУРТЕ, разрешите мне о нем сказать подробнее. Я все равно собирался о нем сказать вам.

ФРАНКФУРТА знаю уже много лет (с 1923 г.). Все это

время (за короткими перерывами) он был со мной тесно связан. Человек резко недовольный и партийными порядками, и общим порядком, и своим личным положением. Он всегда поддерживал самые дружеские связи как с троцкистами, так, впрочем, и с правыми. Будучи начальником Кузнецкстроя, охотно оказывал существенные услуги троцкистам и правым и всячески устраивал их на работу.

После снятия с работы в качестве нач. Кузнецкстроя, он мне лично не раз высказывал самое резкое неудовольствие и возмущение существующими порядками. Со мной неизменно поддерживал самую тесную связь и неоднократно делился своими мыслями относительно неудовлетворительности партийного руководства.

Будучи назначен уполномоченным НКТП по Орску и нач. Орскхалилстроя, создал там прибежище для всех, как он выражался "гонимых", стараясь устраивать на работу троцкистов, правых, зиновьевцев и вообще лиц, недовольных существующим порядком вещей.

Об этой своей "миссии" он мне сам рассказывал.

Считался он среди троцкистов "своим человеком", который всегда может в тяжелую минуту выручить, пристроить, помочь. В этом отношении он одинаково охотно "помогал" и троцкистам, и правым, и зиновьевцам.

Таким я знал ФРАНКФУРТА всегда и поэтому не боялся его. Даже больше: ФРАНКФУРТ знал от меня о директивах ТРОЦКОГО. Об этом я рассказал ему тогда же при встрече с ним в Кузнецкстрое.

Вопрос: И как он на это реагировал?

Ответ: Положительно. Мы условились с ним, что о конкретной его работе в организации мы еще будем говорить.

Вопрос: Вместе с вами, в 1932г. был еще и МИРОНОВ-работник НКПС.

Что вы можете о нем показать?

Ответ: МИРОНОВ являлся членом комиссии и был вместе со мной в Кузбассе. Приходилось мне с ним встречаться несколько раз, помимо нашей поездки по Кузбассу. Человек он несомненно враждебно настроенный к линии партии, озлобленный и недовольный. Тогда в Кузбассе он делал все, чтобы сорвать порученное нам дело налаживания транспорта. Я это замечал, и поскольку это совпадало и с моими интересами я не мешал ему.

Мне известно, что МИРОНОВ был связан с ЛИФШИЦЕМ. Об этом мне говорил сам ЛИФШИЦ в наши с ним встречи уже в последние 2 года.

Вопрос: К вопросу о ваших связях с ЛИФШИЦЕМ мы еще вернемся.

Выше мы остановились на том, что в Берлине вы передали директивы ТРОЦКОГО - ШЕСТОВУ, БИТКЕРУ и ЛОГИНОВУ и что, вернувшись в СССР, вы в 1933 г. перешли к активизации своей контрреволюционной деятельности. Продолжайте свои показания.

Ответ: Мое служебное положение - зам. Наркомтяжпрома давало мне больше возможностей свою контрреволюционную работу строить в первую очередь по линии выполнения директивы ТРОЦКОГО о вредительстве в народном хозяйстве.

По этой линии у меня складывались и личные связи с

нужными людьми.

Я строил поэтому свою работу, исходя из следующих принципов:

1. Я подбирал себе людей из троцкистов, крупных хозяйственников. Выдвигал их, направлял на самостоятельную работу в соответствующие промышленные центры или в Москве, на руководящую работу.

2. Этим людям я давал задания (конечно, вводил их в курс директив ТРОЦКОГО) по самостоятельному подбору себе других людей (не только троцкистов) и вести линию на срыв работы на их участках.

3. Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не расплываться в своей кредительской работе. Концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение.

В этом пункте я действовал по директиве ТРОЦКОГО: наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах.

В итоге люди у меня были расставлены так:

1) Украина - ЛОГИНОВ, ГОЛУБЕНКО, КОЦЮБИНСКИЙ, ЛИШИЦ (до назначения его зам. Наркомпути) и ШЛЕЙФЕР с момента его назначения Управляющим объединением "Сталь" на Украине.

2) Урал - ЮЛИН А.И., ЖАРИКОВ М., МАРЬЯСИН и КОЛЕГАЕВ.

3) Западная Сибирь - ШЕСТОВ А., МУРАЛОВ, БОГУСЛАВСКИЙ, ДРОВНИС, НОРКИН, КАРЦЕВ и ЛЕОНОВ.

4) Ростов - ГЛЕБОВ-АВИЛОВ и через него - БЕЛОБОРОДОВ и СВИРСКИЙ.

5) Москва - БИТКЕР, РАТАЙЧАК, МАРЬЯСИН А., ЛИШИЦ,

ЮЛИН, с переездом их в Москву, МОСКАЛЕВ, ДОКУЧАЕВ и ОСКОЛЬСКИЙ.

Вопрос: Вы назвали всех людей, которые были вами привлечены к диверсионной и террористической работе?

Ответ: Я назвал тех, кто был со мной непосредственно связан и кому я лично давал задания.

Так как все названные мною были видными троцкистами и крупными хозяйственниками, а они, разворачивая работу сами, формировали вокруг себя группы, восстанавливая старые связи и вербуя новых людей.

Я не перечислил здесь, во-первых, связи ДИТЯТЕВОЙ, а во-вторых отдельные связи с теми троцкистами, которые, хотя и не были мною непосредственно вовлечены в деятельность организации, но, которые использовались мною в контрреволюционных целях.

О них я отдельно расскажу, а пока я прошу разрешить мне изложить о конкретной контрреволюционной деятельности каждой группы в отдельности.

Начну с Украины.

С украинскими троцкистами - ЛОГИНОВЫМ, КОЦЮБИНСКИМ, ЛИФШИЦЕМ и ГОЛУБЕНКО у меня существует давнишняя личная дружеская и политическая связь. С КОЦЮБИНСКИМ, ЛОГИНОВЫМ и ГОЛУБЕНКО я связан еще с 1917-18 г.г., а с ЛИФШИЦЕМ как будто с 1919 года.

В годы открытой борьбы троцкистов с ВКП/б/ все они являлись руководителями троцкистской организации на Украине и по этой линии были связаны со мной. Не терял я связи с ними и после.

Как я уже показывал, в 1931 г., после получения мною

директив ТРОЦКОГО, я передал их находившемуся в Берлине - ЛОГИНОВУ. Мы условились с ним, что по приезде его в СССР, он, в первую очередь, создаст украинский троцкистский центр в составе его - ЛОГИНОВА, КОЦЮБИНСКОГО, ГОЛУБЕНКО и ЛИФШИЦА и приступят к формированию троцкистских групп.

Как рассказывал мне ЛОГИНОВ, уже во время наших с ним встреч в 1932 и 1933 г.г., он передал директивы ТРОЦКОГО КОЦЮБИНСКОМУ, ГОЛУБЕНКО и ЛИФШИЦУ и они создали украинский центр.

Об этом же и информировали меня, ГОЛУБЕНКО и КОЦЮБИНСКОГО, с которыми я имел несколько встреч в те же годы.

Я не могу изложить детали всех моих разговоров при этих встречах, но хорошо помню, что речь шла о конкретной работе по созданию троцкистских групп в основных центрах Украины: Днепропетровске, Киеве, Одессе и Харькове. КОЦЮБИНСКИЙ, кроме того рассказывал, что лично он налаживает связи в центральных советских учреждениях Украины.

Вопрос: А состав групп созданных ЛОГИНОВЫМ, ГОЛУБЕНКО и КОЦЮБИНСКИМ вам известен?

Ответ: Из участников троцкистской организации на Украине мне назывались разные люди, но так как они были большей частью лично мне неизвестны, то фамилии их в памяти не удерживались. Припоминаю из известных мне людей АХМАТОВА, ШМИДТ и ГАДОСЬ.

Вопрос: А что вам сообщали ЛОГИНОВ, КОЦЮБИНСКИЙ и ГОЛУБЕНКО о практической их работе?

Ответ: По мере восстановления и закрепления организационных связей началась и вредительская деятельность

троцкистской организации на Украине.

В этом отношении особенно активно вел работу ЛОГИНОВ, который имел возможность это делать, будучи руководителем такого серьезного треста, каким является "Кокс".

Надо сказать, что ЛОГИНОВ по линии вредительства, помимо связи со мной, был также связан и с РАТАЙЧАКОМ, с которым они конкретно разрабатывали вредительские планы в коксо-химической промышленности.

Главное, что в этом отношении делалось - это ввод в эксплуатацию незаконченных об'ектов, затяжки в строительстве и, главное, отодвигание на задний план химической части. Самым ценным в коксо-химической промышленности является не кокс, а именно все остальные продукты коксования (газ, смола, целая гамма органических соединений).

Строительство коксовых батарей, без одновременного строительства химических цехов не только приводило к непосредственным затруднениям в деле эксплуатации печей, но и существенно снижало народно-хозяйственный эффект тех весьма больших средств, которые вкладывались в коксовую промышленность.

Поэтому именно в этом направлении шла вредительская деятельность ЛОГИНОВА.

Кажется, в 1933 г. (или в 1934 г.) на Украину уезжал ШЛЕЙФЕР. Я знал, что он троцкист и связан по своей троцкистской работе с СОКОЛЬНИКОВЫМ. Я дал ему поручение установить с ЛОГИНОВЫМ связь, передать ему требование ТРОЦКОГО об активизации вредительской работы и о необходимости в этом направлении установить связи с фашистскими элементами

из инженерно-технических работников. Позже об этом самом я говорил лично ЛОГИНОВУ.

При встречах с руководителями украинского троцкистского центра мне не раз приходилось им указывать, что они продолжают работу "по-старому" и недостаточно конкретно проводят директивы ТРОЦКОГО.

Довольно резкое изменение характера работы на Украине наступает в 1935 году.

Вопрос: Почему именно в 1935 году?

Ответ: К этому времени не только сложились, но и окончательно оформились связи. Люди продумали для себя установки ТРОЦКОГО (которые очень многим сначала казались не совсем приемлемыми). В связи с арестами ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, СМЕРНОВА и др. нами был поставлен вопрос о большой активизации работы троцкистской организации на Украине. Вопрос террора, который, до этого времени был, до известной степени, для украинской организации вопросом завтрашнего дня перешел в разряд практической подготовки.

Я не останавливаюсь на разных фазах обсуждения этого вопроса. В беседах, например с ЛОГИНОВЫМ мы обсуждали возможность переброски подготовленных на Украине террористических групп в Москву по требованию центра и о форсировании подготовки террористических актов на Украине.

Из информации ЛОГИНОВА мне известно, что в 1935 году было приступлено к конкретной подготовке террористического акта против ПОСТЫШЕВА и КОСИОРА С. О наличии подготовленных террористических групп ЛОГИНОВ говорил мне и в 1936 г. Подробности он мне не сообщал.

Вот все, что осталось у меня в памяти о деятельности

Украинской троцкистской организации.

Вопрос: Вы показывали, что в состав Украинского троцкистского центра входили ЛОГИНОВ, ГОЛУБЕНКО, КОЦЮБИНСКИЙ и Яков ЛИФШИЦ.

Какую работу проводил ЛИФШИЦ, как член Украинского центра и имели ли вы с ним личные встречи во время его работы на Украине?

Ответ: Я действительно упустил из виду рассказать следствию о моих встречах с ЛИФШИЦЕМ.

Если я не ошибаюсь я виделся с ним два раза - в 1931 1932-г.г..

Кажется при второй встрече у меня был с ЛИФШИЦЕМ подробный разговор по делам организации.

Как выяснилось из моей беседы с ЛИФШИЦЕМ ЛОГИНОВ уже передал ему о моих встречах в Берлине с СЕДОВЫМ и мою директиву о необходимости сформирования троцкистского центра на Украине. Но он, -ЛИФШИЦ, чтобы я ему лично рассказал о моих встречах в Берлине и детально изложил-бы ему суть директив ТРОЦКОГО о новом курсе нашей работы.

Я ему все изложил. Мы договорились с ЛИФШИЦЕМ, что помимо участия в работе украинского троцкистского центра он, как работающий на транспорте и на одной из важнейших магистралей Украины, должен об'единить вокруг себя троцкистов на транспорте и развернуть вредительскую деятельность. Все мои дальнейшие встречи с ЛИФШИЦЕМ относятся ко времени его работы уже в Москве в НКПС.

Вопрос: До перехода ЛИФШИЦА на работу в НКПС он, как известно работал начальником Северо-Кавказской железной дороги.

В этот период времени вы были лично связаны с ЛИФШИЦЕМ?

Ответ: В это время ЛИФШИЦ поддерживал связи с членом центра - СЕРЕБРЯКОВЫМ, который руководил подрывной работой по линии транспорта.

Вопрос: Перейдем теперь к террористической и диверсионной деятельности, созданной вами троцкистской группы на Урале?

Ответ: На Урале троцкистская группа возглавлялась до конца 1934 года - ЮЛИНЫМ, а с начала 1935 г. ЖАРИКОВЫМ.

ЮЛИН был направлен на Урал в 1932 году.

Имея в виду большое промышленное и оборонное значение Урала я лично весьма деятельно продвигал назначение ЮЛИНА на Урал, ставя себе целью создать там троцкистскую группу.

Первое время ЮЛИН, по моему поручению, занимался, главным образом установлением необходимых связей, исходя, разумеется, из террористических и вредительских установок ТРОЦКОГО. В этой работе активную помощь ему оказывал троцкист ШУЛЬМАН, который был с ЮЛИНЫМ тесно связан.

Во второй половине 1933 года я был в служебной командировке на Урале. После окончания всякого рода дел я и сопровождавший меня МОСКАЛЕВ пошли на квартиру к ЮЛИНУ. Там мы застали ШУЛЬМАНА.

ЮЛИН мне сообщил, что дела у него подвигаются и что необходимые связи он завязал. В это время ЮЛИН работал не в системе НКТП и у него образовались связи также и за пределами промышленности. Он говорил, что связался с троц-

кистской группой МЕДНИКОВА (работавшего, кажется, в Урал-плане). Кроме того, у него имеется связь с ЖАРИКОВЫМ, АБРАМОВЫМ, РОСИНЬМ.

Называл и другие фамилии, которые сейчас припомнить не могу. Он сообщил мне, что террористические и вредительские директивы им переданы МЕДНИКОВУ и ЖАРИКОВУ.

В середине 1934 г. я провел назначение ЮЛИНА на должность начальника Средуралмедьстроя.

В 1934 году ЮЛИН сообщил мне, что он вовлек в организацию ВОРОПАЕВА (Востокохим), МАРЬЯСИНА Л.М. (Уралвагонстрой), ПОНОМАРЕНКО (Левихинское рудоуправление), АБРАМОВА, КОЛЕГАЕВА. Называл он и других, но фамилии их в памяти у меня не удержались.

Из вышеперечисленных лиц, кроме МЕДНИКОВА, я знал лично МАРЬЯСИНА Л. и КОЛЕГАЕВА А., с которыми я поддерживал связь и помимо ЮЛИНА.

В конце 1934 года ЮЛИН серьезно заболел и ему пришлось уехать с Урала. Так как болезнь его затянулась, да и сам он мне нужен был в Москве, я провел назначение на должность сперва заместителя, а потом начальника Средуралмедьстроя ЖАРИКОВА Митрофана, которого мне рекомендовал ЮЛИН. Назначение ЖАРИКОВА состоялось в начале 1935 года.

Добиваясь назначения ЖАРИКОВА, я имел в виду, что он продолжит на Урале вредительскую и террористическую, и вообще контрреволюционную троцкистскую деятельность, начатую ЮЛИНЫМ. По этому поводу у меня с ЖАРИКОВЫМ был специальный разговор в Москве, в моем кабинете до его назначения. ЖАРИКОВ, после некоторых колебаний согласился.

Вопрос: Что именно вы говорили ЖАРИКОВУ в эту вашу беседу с ним?

Ответ: Вряд-ли я сумею вспомнить все детали разговора. Я сообщил ему о существующих директивах ТРОЦКОГО, повторил ему известные аргументы в пользу необходимости подрывной работы в хозяйстве. Все это ЖАРИКОВ знал и до меня, поэтому никаких "америк" я ему не открывал.

Вопрос: ЖАРИКОВ показывает, что направляя его на Урал, вы говорили ему, "что Урал - это 70% советской меди и что ЦК ВКП/б/, в связи с настоящей угрозой войны бьет тревогу по поводу отставания медной промышленности". "Поэтому - говорили вы ЖАРИКОВУ, удар по меди - это сильнейший удар против руководства".

Ответ: Я так действительно говорил ЖАРИКОВУ и он с этим был согласен.

В начале 1935 года он поехал на Урал и стал там по существу уполномоченным "параллельного центра".

Позже, в течение 1935 года ЖАРИКОВ несколько раз встречался со мной (один раз я был у него на стройке - кажется в марте или апреле 1935 года). Он мне передавал, что порученное ему дело выполняет и в этих целях привлек к вредительской и подрывной работе ряд работников промышленности. При этом он подбирал не обязательно троцкистов, а вообще лиц, враждебных советской власти.

ЖАРИКОВ спрашивал, правильно ли он поступает, я подтвердил то, что говорил раньше и ЮЛИНУ, что такова именно установка ТРОЦКОГО - в борьбе со СТАЛИНЫМ использовать врагов советской власти любого направления.

Вопрос: А какая же конкретно вредительская работа была проведена на Урале?

Ответ: Имея в виду огромное народно-хозяйственное и оборонное значение медной промышленности Урала вредительство и было направлено в эту сторону.

Прежде всего речь шла о задержке выплави меди действующими заводами. Мне трудно сказать как эта работа проводилась по отдельным заводам, но факт тот, что в результате вредительской деятельности троцкистской группы наиболее мощной из трех уральских заводов - Красноуральский - все время имел крайне низкие качественные показатели. Карабашский завод по тем же причинам работал с постоянными срывами. На Кировоградском заводе вредительство коснулось в первую очередь обогатительной фабрики и все три завода далеко не давали то количество меди, которое они могут давать.

Особенно сильно вредительство было развернуто на новостроящемся большом медном заводе на Урале - на Средуралмедьстрое.

Прежде всего строительство этого завода нами всячески тормозилось. Строительство, начатое еще в 1932 г. к началу 1935 года практически не существовало, находясь в полном развале.

На стройке еще ЮЛИН на всех участках насадил троцкистов, которые каждый на своем участке, под руководством ЮЛИНА срывал работу.

Когда я в начале 1935 года был на стройке, то увидел, что вредительство шло настолько грубо, что оно бросалось в глаза даже при самом поверхностном наблюдении. Я был этим весьма обеспокоен и указал ЖАРИКОВУ, что так делать нельзя.

Я предложил ему внешне подтянуть стройку и вести себя осторожнее. В этих целях мы с ЖАРИКОВЫМ приняли тогда более замаскированные методы вредительства. Мы условились, что он "проявит энергию", подтянет стройку, начнет строительство каких-либо об'ектов, но с таким расчетом, чтобы меди все же не было.

Кроме того, учитывая создавшееся напряженное положение с медной рудой на Урале, мы решили еще больше оттянуть работу на Дегтяринских рудниках (рудная база Средуралмедьстроя). Именно в этих целях в мае 1935 года я приказом отделил рудную базу от строительства завода и передал ее Уралмедьруде. При этом имелось в виду, что средства, отпускаемые на Дегтяринские рудники, будут распыляться в большом хозяйстве Уралмедьруды и Дегтяринские рудники станут тормазом работы Средуралмедьстроя даже после формального ввода его в эксплуатацию.

В этих же целях шла и урезка ассигнований по линии рудной базы. Это удавалось протаскивать мне лично, через аппарат Наркомтяжпрома.

Кроме того по линии Средуралмедьстроя проведено еще одно очень серьезное вредительство.

Я имею в виду совершенное отсутствие строительства химической части комбината, которое мы умышленно отодвигали.

Дело в том, что завод этот может быть экономически выгодным только в комбинации с химическим заводом. Так, Средуралмедьстрой и задуман. Дегтяринские руды - руды очень бедные медью (около 1%). И если содержащаяся в них сера не будет использована химическим заводом, то 1/ это чрез-

вычайно удорожит медь, 2) серные газы медного завода будут отравлять окружающую местность.

Именно поэтому Средуралмедьстрой должен был строиться как комбинированное предприятие. Мы же его во вредительских целях раскомбинировали. Химическую часть передали Главхимпрому, где РАТ АЙЧАК ее и заморозил. В результате строится (и то вредительски) только медная часть, а к строительству химической части даже и не приступали.

Вопрос: Еще по каким линиям шло вредительство на Урале?

Ответ: На Средуралмедьстрое вредительство шло и по таким линиям, которые должны были привести к недовольству среди рабочих.

Вопрос: По каким именно?

Ответ: Прежде всего речь идет о строительстве города. Я забраковал утвержденную в 1933 году площадку и предложил ЖАРИКОВУ избрать ее не в 7 километрах от медеплавильного завода (как это было намечено раньше), а в 1 километре. Таким образом площадка города попадала в санитарно-запрещенную зону. ЖАРИКОВ выполнил мое указание. Однако, по его словам, областные организации, на утверждение коих он внес этот проект, решительно против этого запротестовали.

После длительных споров площадку утвердили в 2 километрах от завода (а не в одном километре, как мы наметили). Узнав об этом, я добился утверждения в Санитарной инспекции и НКТП проекта расположения поселка в 1 километре.

Но споры, о месте расположения поселка, продолжались

до последнего времени, а в связи с этим задерживалось финансирование работ по строительству самого поселка.

На площадке строительства сперва ЮЛИНЫМ, а затем ЖАРИКОВЫМ создавались срывы в социально-бытовом обслуживании рабочих, создавались тяжелые бытовые условия, задерживалась выплата заработной платы.

Это в результате создало недовольства среди рабочих и способствовало срыву стахановского движения.

Вопрос: Вредительская работа проводилась только в медной промышленности?

Ответ: Нет, помимо медной промышленности на Урале вредительскую деятельность проводил активный троцкист МАРЬЯСИН Л.М., работавший там в качестве начальника Уралвагонстроя, начиная с начала 1934 г..

Конкретно его вредительская деятельность (в той ее части, которая известна мне) выражалась в следующем: 1) ухудшение качества строительных работ /инструментальный цех, цех крупного литья, вагоно-сборочный/; 2) большое и ненужное омертвление средств в громадных излишках материалов и оборудования; 3) сопротивление строительству вагоно-сборочного цеха; 4) ухудшение жилищно-материально-бытовых условий жизни рабочих и служащих (особенно в части жилищной); 5) затруднения с вводом в эксплуатацию и противодействие посланному на завод эксплуатационному персоналу завода и раздувание склоки между строителями и эксплуатационниками, что затрудняло прежде всего нормальное введение в действие огромных средств, вложенных в это строительство.

Обо всем этом мне говорил ЮЛИН при встречах с ним в 1935 году.

Вопрос: Это все о вредительской работе в промышленных предприятиях Урала?

Ответ: Это, конечно, далеко не все. Вредительно-диверсионная работа на Урале проводилась значительно шире. Я изложил только основные линии, по которым шла вредительская работа и наиболее существенные факты, которые известны мне из информации ЮЛИНА и ЖАРИКОВА и что я видел сам при посещении Урала.

О всех деталях вредительства каждой группы мне естественно не докладывали. Могу только добавить, что на Урале велась большая подрывная работа на железно-дорожном транспорте, но этой работой руководили СЕРЕБРЯКОВ и ЛИШИЦ.

Вопрос: А директива создания террористических групп была передана участникам троцкистской организации на Урале?

Ответ: Да, несомненно. Передавая ЮЛИНУ, а затем ЖАРИКОВУ установки о конкретной вредительской диверсионной работе на Урале, я говорил им и о директиве Троцкого по террору. Практически вопрос ставился так, что надо иметь в составе троцкистской организации на Урале группу боевиков, которые сумели бы совершить террористический акт над членами правительства, если, кто-либо из них приедет на Урал.

Что было сделано в этом плане я точно не знаю.

Надо сказать, что основной задачей на Урале - было вредительство. В это направление я лично концентрировал внимание направляемых туда троцкистов.

Вопрос: А как формировалась Западно-Сибирская троцкистская организация?

Ответ: Западно-сибирская троцкистская организация одна из наиболее активных. Это объясняется во-первых тем, что там сконцентрировалась хорошо сколоченная руководящая группа, сумевшая направить свою работу в русло конкретных действий и во-вторых, это объясняется также тем, что западно-сибирской организации со стороны троцкистско-зиновьевского центра было уделено наибольшее внимание, раньше СМIRНОВЫМ, а затем лично мною.

Сыграло тут свою роль несомненно и то обстоятельство, что ставший впоследствии одним из активных руководителей западно-сибирской организации троцкистов, ШЕСТОВ был в 1931 г. вместе со мною и СМIRНОВЫМ в Берлине, лично виделся там с СЕДОВЫМ и уезжая обратно в Кузбасс, получил хорошую зарядку на активизацию там троцкистской работы на основе новых установок ТРОЦКОГО.

Там же в Новосибирске долгое время сидел и Н.И.МУРАЛОВ и БОГУСЛАВСКИЙ, которые сумели обрасти кадрами троцкистов.

В 1933 г. в Западную сибирь на Кемеровское строительство при моем активном содействии был направлен НОРКИН, а в 1934 г. туда же ДРОБНИС.

Вопрос: Что конкретно было сделано западно-сибирской троцкистской организации?

Ответ: Работа западно-сибирской организации шла в двух направлениях: по линии террора и вредительско-диверсионной.

Террористической деятельностью руководили непосредственно МУРАЛОВ и ШЕСТОВ.

Мне известно, что они имели несколько террористических групп и ставили себе задачей организацию террористического акта в отношении секретаря крайкома ЭЙХЕ.

В 1935 г. при встрече с ДРОБНИСОМ он говорил мне о неудавшейся попытке организации террористического акта над МОЛОТОВЫМ, когда он приезжал осенью 1934 года в Кузбасс. ДРОБНИС мне рассказывал, что была совершенно реальная возможность организовать крушение автомобиля МОЛОТОВА, но по каким то причинам авария не удалась и покушение сорвалось.

О других конкретных фактах террористической деятельности троцкистской группы в Западно-сибирском крае - я не знаю, так как Западно-сибирский край, как и Урал являлся для меня все же больше об'ектом вредительства нежели террора.

Вопрос: Дайте показания о конкретных фактах вредительства, которое было проведено Западно-сибирской троцкистской организацией?

Ответ: Вредительско-диверсионная деятельность троцкистской организации в Западной Сибири, была развернута центром этой организации весьма энергично. Учитывая громадную народно-хозяйственную и политическую роль Кузнецкого бассейна, вредительство там несомненно должно было принести чувствительный ущерб. Именно поэтому там были сосредоточены такие активные троцкисты, как ДРОБНИС, БОГУСЛАВСКИЙ, ШЕСТОВ, НОРКИН. Я не осведомлен во всех деталях проведенного там вредительства, однако, по сообщениям ДРОБНИСА,

БОГУСЛАВСКОГО и НОРКИНА основные факты мне известны.

В угольной промышленности активно вредительски действовала группа ШЕСТОВА, которая об'единяла троцкистов и контр-революционных инженеров из бывших вредителей. Эта же группа связалась с иностранными специалистами, агентами германских фашистов.

Я знаю, что троцкистская группа в Кузбассе, руководясь прямыми указаниями ТРОЦКОГО, переданными СЕДОВЫМ непосредственно ШЕСТОВУ, проявила большую активность в отношении установления связей с фашистами и агентами гестапо. Такие связи были действительно установлены.

Еще в Германии в 1931 г. ШЕСТОВ, по личному поручению СЕДОВА, установил связи с рядом германских фирм, которые дали ему явки к своим агентам в Кузбассе. Припоминаю, что об этом мне еще в Берлине рассказывал ШЕСТОВ. Упомянул об этом тогда же в Берлине и СМИРНОВ И.Н.. Эти явки ШЕСТОВЫМ и западно-сибирской троцкистской организацией были использованы и связи установлены.

Об этом я знаю из информации ДРОВНИСА в 1934 г., а еще раньше в 1932 г. от самого ШЕСТОВА.

Вредительству троцкистской группы в Кузбассе значительно содействовало то обстоятельство, что с этой группой был тесным образом связан главный инженер "Кузбассугля" СТРОИЛОВ.

Кузбасская группа, руководимая западно-сибирским троцкистским центром, провела в Кузбассе ряд диверсионных и вредительских актов. ДРОВНИС говорил мне, что "сталинский Кузбасс пылает в пожарах".

Даже не имея регулярной информации от своих людей я

по материалам Наркомтяжпрома сам мог судить о размахе разрушительной работы в Кузбассе. Я видел с какой тревогой к этим явлениям относились и какие тщетные попытки принимались сверху к ликвидации этого явления.

А вредительство и разрушительная работа в Кузбассе шла по восходящей линии. Пожары не сокращались, а увеличивались. Самый главный из районов Кузбасса - Прокопьевский район был наиболее поражен и пожарами и вредительством. Я понимал и знал причину этого: там одно время сидел сам ШЕСТОВ.

Помимо вредительства и диверсионной работы в эксплуатации в Кузбассе проводилась и большая вредительская работа в области нового шахтостроения.

Перечислить конкретные объекты строительства я сейчас не смогу.

Вопрос: Материалами следствия установлено, что вредительство Западно-Сибирской троцкистской организации не ограничивалось вредительством только в угольной промышленности.

Ответ: Правильно, я об этом дальше буду показывать.

Очень широко вредительство было развернуто по Кемеровскому химическому комбинату. На этом важнейшем строительстве вредительство проводили ДРОВНИС и НОРКИН, активно участвовал в этом также главный инженер строительства КАРЦЕВ Н.Ф..

Прежде всего на Кемеровский комбинат был направлен НОРКИН.

Дело было так:

НОРКИНА я знаю очень хорошо с 1930 года. Я застал его во "Всехимпроме", куда был назначен в концент 1930 года председателем правления. До меня во Всехимпроме на этой должности находился ТОМСКИЙ, с которым у НОРКИНА установилась тесная связь.

После моего назначения НОРКИН был оставлен в качестве заместителя председателя правления и здесь мы с ним близко сошлись. Присмотревшись к НОРКИНУ, я убедился, что он скрытый троцкист. Я с ним стал вести все более и более откровенные разговоры (особенно после моей берлинской поездки). В результате в конце 1931 года выяснилось, что он полностью стоит на троцкистских позициях. Когда я ему рассказал о директивах ТРОЦКОГО, то он, будучи человеком весьма практическим, сказал, что, повидимому ТРОЦКИЙ делает последовательно все выводы из своей позиции и нам надо в дальнейшем из этого исходить.

В конце 1931 г. я из Всехимпрома ушел. Оставались там НОРКИН и УФИМЦЕВ. Несколько позже Всехимпром был преобразован в Главхимпром и начальником Главхимпрома был назначен РАТАЙЧАК.

С РАТАЙЧАКОМ в то время у меня связи еще не было, откровенных разговоров я с ним не вел и не был уверен будет ли он выполнять поставленные ТРОЦКИМ задачи по вредительству. Поэтому я настаивал на том, чтобы в Главхимпроме работал и НОРКИН (совместно с РАТАЙЧАКОМ, поскольку последний был уже назначен). Однако, НОРКИН с РАТАЙЧАКОМ не ужились и их надо было разводить, хотя я прилагал все усилия к тому, чтобы их примирить. Помню даже собирал их обоих вместе с УФИМЦЕВЫМ у себя на даче.

Так как НОРКИНУ надо было все-же из Главхимпрома уходить, то мы с ним уговорились, что он поедет в Кемерово в качестве уполномоченного НКТП и начальником Кемерово-Комбинатстроя.

Кемерово было выбрано не случайно. Я знал, что в Западной Сибири уже имеются активные троцкисты (БОГУСЛАВСКИЙ, МУРАЛОВ, ШЕСТОВ) и имея в виду дальнейшее укрепление западно-сибирской организации. Сам же Кемеровокомбинатстрой был настолько важным народно-хозяйственным и военным объектом, что назначение туда НОРКИНА имело с троцкистской точки зрения большое значение. Троцкистско-вредительская работа НОРКИНА, кроме того, облегчалась тем, что он одновременно получал назначение в качестве уполномоченного НКТП по Кемеровскому району, что позволяло ему шире развернуть троцкистско-вредительскую деятельность.

Таким образом в 1933 г. в Кемерово- был направлен НОРКИН.

Перед отъездом его я имел с ним довольно длительный разговор. Речь шла о важности объекта и необходимости именно поэтому со всею энергией проводить там вредительско-диверсионную работу.

Во время своих приездов в Москву НОРКИН неизменно заходил ко мне. Бывал также у меня на дому.

По словам НОРКИНА в первый год своего пребывания (именно в 1933 году) в Кемерово, он проводил распыление средств, строил менее важные, второстепенные объекты, направлял средства не по назначению, часто на цели, совершенно не предусмотренные планом, начинал строить ряд однородных

об'ектов, которые можно было бы строить последовательно и в целом задерживал ввод в эксплуатацию важнейших и крайне нужных об'ектов. Этим все строительство в целом, несомненно, тормозилось.

В конце 1933 г. или начале 1934 г. НОРКИН был у меня и жаловался, что ему одному проводить вредительские директивы трудно. Он говорил, что хотя он и опирается на КАРЦЕВА, но для более широкой вредительской работы ему нужен и другой помощник. Я обещал об этом подумать.

Вопрос: Что же вы надумали?

Ответ: Еще раньше я имел в виду под тем или иным предлогом перебросить в Западную Сибирь ДРОВНИСА. Перевод туда ДРОВНИСА имел целью усиление западно-сибирской троцкистской организации. Поэтому я приложил все усилия для того, чтобы послать ДРОВНИСА в Кемерово в качестве помощника к НОРКИНУ.

ДРОВНИСУ я дал прямое поручение укрепить западно-сибирскую троцкистскую организацию, что он и сделал. Одновременно ДРОВНИС получил от меня поручение проводить вредительскую работу непосредственно в Кемерово. Первоначально я ДРОВНИСУ ничего не говорил о НОРКИНЕ - хотел, чтобы он сам присмотрелся. Поэтому на первых порах ДРОВНИС с НОРКИНЫМ не связался. Во время приезда ДРОВНИСА в Москву из Кемерово по делам стройки (кажется это было в начале 1935 года) и ему рассказал о НОРКИНЕ. Вернувшись в Кемерово, ДРОВНИС по моему заданию тесно связался с НОРКИНЫМ и вредительская работа в Кемерово значительно усилилась.

По словам НОРКИНА и ДРОВНИСА, они втянули во вредительство значительную группу инженерно-технических работников. ДРОВНИС рассказывал, что даже в местной партийной организации у него есть "свои люди" (фамилии он мне не называл) и это является хорошим прикрытием для всей их троцкистской деятельности.

Вредительство в Кемерово, как я уже говорил, шло по линии распыления средств, удорожания строительства, качества строительных работ, нецелесообразной очередности строительства (задержка ввода в эксплуатацию важнейших объектов), задержка проектирования, омертвление средств в ненужном накоплении материалов и оборудования (этим отвлекались средства от прямых задач по строительству и монтажу) и прямых диверсионных актах.

Вот наиболее существенные факты из вредительской работы троцкистской группы в Кемерово.

Вопрос: Это еще не все, что было по вашим директивам проведено по линии вредительства и диверсии на Кемеровском химкомбинате.

Показаниями НОРКИНА, ДРОВНИСА и судебным процессом по делу кемеровской троцкистской группы установлен ряд фактов диверсионной деятельности на этом строительстве, о которых вы не говорите?

Ответ: Я сказал главное из всего того, что я запомнил. Я могу добавить еще, что НОРКИНУ и ДРОВНИСУ я давал указания о принятии мер к торможению и срыву стахановского движения на строительстве.

Из информации НОРКИНА я знаю, что им удалось дискредитировать стахановское движение в глазах масс.

Нужно еще добавить, что в ряде случаев, когда во вредительских целях группе в Кемерово приходилось прибегать к диверсионным актам, это неизбежно сопровождалось человеческими жертвами и это в свою очередь озлобляло рабочих на стройке.

Вопрос: НОРКИН показывает, что человеческие жертвы не являлись, как вы говорите, "неизбежным результатом" диверсионных актов, а являлись самоцелью и предусматривались в плане диверсионной работы?

Ответ: Я не могу это признать. В такой форме вопрос прямо не обсуждался. Речь шла только о неизбежности человеческих жертв при диверсионных актах, но никак, как самоцель.

Вопрос: НОРКИН показывает, что в последнюю встречу с ним в начале лета 1936 года вы поставили перед ним задачу продумать вопрос о поджоге оборонных объектов химкомбината, когда это потребуется.

Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Да, подтверждаю. Это было вскоре после моей встречи с ТРОЦКИМ, в которой он ставил передо мной вопросы о необходимости проведения активной пораженческой линии во время войны и о необходимости проведения к началу войны диверсионных актов на оборонных предприятиях.

Именно в связи с этим я говорил с НОРКИНЫМ о необходимости предусмотреть возможность совершения такого диверсионного акта в Кемерово.

От НОРКИНА и ДРОБНИСА я знаю, что некоторые диверсионные акты (меньшего масштаба) они на Кемеровском строительстве совершали. Какие именно я не помню.

Вопрос: Вы показали, что к вредительской деятельности западно-сибирской троцкистской организации был привлечен и ЛЕОНОВ.

Какую конкретно работу он проводил?

Ответ: ЛЕОНОВ мне был известен, как активный троцкист. В Западной Сибири он работал на Беловском цинковом заводе. Я указывал ДРОБНИСУ на необходимость установления связи с ним и привлечения его к активной работе, но что в этом отношении сделано - мне ДРОБНИС не говорил.

Я поручил тоже ДРОБНИСУ разыскать в Сибири Вл.КОСИОРА, связаться с ним и устроить его территориально так, чтобы он мог включиться в троцкистскую организацию. ДРОБНИСУ как будто бы связаться с Вл.КОСИОРОМ не удалось.

Вопрос: Какая вредительно-диверсионная и террористическая работа проводилась вами в Азово-Черноморском крае?

Ответ: В Ростове троцкистской контрреволюционной работой руководил БЕЛОБОРОДОВ и ГЛЕБОВ-АВИЛОВ.

Прямых личных связей у меня с БЕЛОБОРОДОВЫМ не было. Знал я о том, что БЕЛОБОРОДОВ работает по троцкистской линии в Ростове от КАМЕНЕВА, который в 1932 году рассказывал мне, что в Ростове существует группа зиновьевцев и троцкистов, которым переданы директивы ТРОЦКОГО о терроре и вредительстве. Тогда же КАМЕНЕВ и назвал мне БЕЛОБОРОДОВА и ГЛЕБОВА-АВИЛОВА, как руководителей этой группы.

Вопрос: А с кем из участников, руководителей группы по Ростову вы были лично связаны?

Ответ: В начале 1935 года мне удалось установить личную связь с ГЛЕБОВЫМ-АВИЛОВЫМ, который являлся директором Ростовского завода сельскохозяйственных машин. С ним я имел довольно подробный разговор о положении троцкистско-зиновьевской организации в Ростове. ГЛЕБОВ-АВИЛОВ сообщил мне, что после арестов, которые были произведены в Ростове в связи с убийством КИРОВА, руководство ростовской группы временно приостановило свою работу по подготовке террористического акта над СТАЛИНЫМ. Из его же сообщения я знаю, что террористической группой в Ростове руководит БЕЛОВОРODOV и что выработан конкретный план, по которому террористический акт над СТАЛИНЫМ должен быть произведен в Сочи. Участников этой группы ГЛЕБОВ-АВИЛОВ мне не называл.

В эту же беседу я спросил ГЛЕБОВА-АВИЛОВА, что им конкретно делается по вредительству. ГЛЕБОВ-АВИЛОВ информировал меня, что им сколочена небольшая группа на заводе "Сельмаш", которая проводит отдельные вредительские мероприятия. Впечатление у меня было такое, что конкретного они ничего еще не сделали и поэтому я изложил ГЛЕБОВУ-АВИЛОВУ последние директивы ТРОЦКОГО о вредительстве и потребовал от него реальных дел в этом направлении.

ГЛЕБОВ-АВИЛОВ обещал активизировать свою работу.

Вопрос: И что он конкретно сделал?

Ответ: После этого я виделся с ГЛЕБОВЫМ-АВИЛОВЫМ еще раз в 1935 году. Он зашел ко мне в Наркомат по делам службы. Он рассказал, что ему удалось провести ряд вредительских актов.

В июне 1935 г. вредительская группа на "Сельмаше", под непосредственным руководством ГЛЕБОВА-АВИЛОВА, выпустила несколько сот негодных комбайнов; эти комбайны, хорошие по виду - не были пригодны для эксплуатации, они немедленно выходили из строя при пуске в ход. Это вредительство было столь очевидным, что факт послышки негодных комбайнов очень быстро стал достоянием общественных организаций. ГЛЕБОВ-АВИЛОВ, по его словам, здорово испугался и ему пришлось немало труда положить, чтобы об'яснить это обычными неполадками в производстве и он вынужден был выправить качество комбайнов.

Тогда же я условился с ГЛЕБОВЫМ-АВИЛОВЫМ, что поскольку дальнейшее вредительство в цехе комбайнов проводить будет трудно, наиболее важным участком, куда следует направить силы вредительской группы на "Сельмаше" - это срыв военных заказов.

Некоторые военные заказы (передки к пушкам и некоторые другие заказы) были переданы Ростсельмашу в порядке подготовки его к выполнению мобплана. Завод не был приспособлен к исполнению военных заказов. Это обстоятельство было использовано вредительской группой ГЛЕБОВА-АВИЛОВА, которые пустили слух по заводу, что заказы эти неправильно переданы "Сельмашу", что завод с этим заказом не справится и под шумок этих слухов отодвинули выполнение этого заказа на задний план и всяческими мерами срывали его выполнение.

Мне не довелось после этого разговора видеться лично с ГЛЕБОВЫМ-АВИЛОВЫМ, но наблюдая в НКТП за тем, как идет выполнение военных заказов на Ростсельмаше, я знаю, что

ГЛЕБОВ-АВИЛОВ и его троцкистская группа немало поработали над тем, чтобы сорвать выполнение этих заказов.

Вопрос: Выше вы назвали СВИРСКОГО, как участника вредительско-диверсионной работы на Сельмаше.

Вы лично с ним были связаны?

Ответ: О СВИРСКОМ мне говорил ГЛЕБОВ-АВИЛОВ, как о начальнике цеха комбайнов, привлеченном им к вредительской работе.

После проведенной СВИРСКИМ работы по выпуску негодных комбайнов, я договорился с ГЛЕБОВЫМ-АВИЛОВЫМ о переводе его на работу в цеха, выполняющие военно-оборонные заказы.

СВИРСКИЙ уже проводил вредительские акты и поскольку была поставлена задача по срыву военных заказов ГЛЕБОВ-АВИЛОВ поручил ему это дело.

Перечисленными фактами вредительско-диверсионной и террористической работы, которые проводились людьми, завербованными мною на Украине, Урале, Западно-Сибирском крае и Ростове - ограничивается моя контрреволюционная деятельность по периферии.

Быть может были еще отдельные связи, встречи с другими троцкистами - хозяйственниками, я мог с ними вести контрреволюционные разговоры и наверное их вел, но так как речь идет о людях, организационно со мной не связанных и не получивших от меня директив по диверсии и террору - я о них вспомню и отдельно расскажу.

Вопрос: Вы показывали о тех членах организации по периферии, которых вы лично вовлекли в работу и с которыми

вы лично были связаны.

А лица, завербованные вами по Москве имели самостоятельную линию связи по периферии?

Ответ: Несомненно имели, я об этом покажу.

Вопрос: Детально и последовательно изложите состав вашей московской группы и конкретные факты их контрреволюционной деятельности, которую они выполняли по вашим заданиям?

Ответ: Должен сказать, что из членов параллельного центра вредительски-диверсионную работу проводил еще СЕРЕБРЯКОВ. Он имел самостоятельную линию связи, своих людей, преимущественно на транспорте и в Закавказьи. При встречах мы взаимно информировали друг друга, но деталей не касались и не назывались фамилии. Изредка упоминались только известные люди, как ЛИФШИЦ, Буду МДИВАНИ, которые были связаны и со мной и с СЕРЕБРЯКОВЫМ.

Что касается моей линии связи, то вредительская работа по Москве мною проводилась через РАТАЙЧАКА, БИТКЕРА, ЛИФШИЦА, ЮЛИНА, Ал.МАРЬЯСИНА и ШЛЕЙФЕРА.

Я уже говорил, что особенность моего служебного положения, как зам. Наркомтяжпрома, с одной стороны, давала мне широкие возможности вредительской деятельности. Эти возможности я использовал в первую очередь по периферии. Но, с другой стороны, именно эта особенность моего положения заставляла меня очень осторожно действовать в самой Москве.

Конечно, как зам. Наркомтяжпрома я делал все возможное, чтобы содействовать и помогать развороту. Но там, где я действовать сам не мог, ибо это грозило провалом, я ~~просто~~

~~Ленин~~ я проводил все через своих людей. Даже тогда, когда некоторые факты нашей работы всплывали наружу, мне, не вызывая подозрения, удавалось брать под свою защиту моих людей и ссылками на объективные условия и причины затушевывать их вредительскую деятельность. Поэтому я ограничивался установлением в Москве организационных связей только с узким кругом особенно проверенных людей, в которых я не имел основания сомневаться и которые по характеру своей служебной работы были связаны с периферией, а значит и имели широкое поле для вредительской деятельности.

Вопрос: Кого, из названных вами выше вы причисляете к этим людям?

Ответ: РАТАЙЧАКА и БИТКЕРА, поскольку по роду своей работы (начальники главных управлений) они были связаны с определенными отраслями промышленности (химическая и резиновая) и вели вредительскую работу именно по этим отраслям.

РАТАЙЧАК давно связан с химической и коксо-химической промышленностью и имеет там большие и разнообразные связи.

БИТКЕР имел широкие связи среди троцкистов, и особенно среди работников резиновой промышленности.

ЛИФШИЦА Якова, которого я хорошо знал, начиная с 1919 г., который был начальником крупных железных дорог, а затем - зам. Наркомпути; в его и СЕРЕБРЯКОВА руках была сосредоточена вся диверсионно-вредительская работа на транспорте.

Вопрос: Конкретно, какие диверсионно-вредительские акты были проведены вами и по вашим заданиям РАТАЙЧАКОМ в

химической промышленности?

Ответ: В химической и коксо-химической промышленности была проведена следующая вредительская и диверсионная работа:

1. Был составлен, представлен и оформлен такой план развития военной химии, который на деле приводил к распылению и омертвлению средств и затяжке сроков ввода в эксплуатацию нужных объектов. Сделано это было путем неправильных расчетов и сохранения существующих разрывов в мощностях между различными цехами. В результате был значительно преувеличен объем строительства и удлинены сроки. При ограниченности ассигнований создавалась нетерпимая затяжка в строительстве новых объектов. Этот план был в 1936 г. радикально переделан.

2. В области азотной промышленности затягивалось строительство новых объектов, главным образом, путем систематических и длительных переделок их проектов (ЛИСИЧАНСКИЙ, РИОНСКИЙ, БАКИНСКИЙ, ЧИРЧИКСКИЙ).

3. В серно-кислотной промышленности скрывались действительные мощности путем понижения эксплуатационных коэффициентов.

4. В содовой промышленности задерживалось развитие мощности, благодаря чему сода, которую могли производить в СССР в совершенно неограниченных количествах, все время является остродефицитным продуктом. Помимо этого не пропускалось создание новых содовых центров на базе соответствующих источников сырья (например, на базе отходов калийной промышленности, или на базе усольских (Восточная Сибирь)

соляных источников.

5. В отношении ОВ был выдвинут план строительства ряда новых заводов в новых точках, вместо того, чтобы использовать и надлежащим образом развить и расширить мощности на имеющихся или уже строящихся заводах.

Это нам провести не удалось, так как в это дело вмешался лично Нарком и план был переделан.

Таковы основные факты вредительской работы в химической и коксо-химической промышленности, которую по моим заданиям проводил РАТАЙЧАК.

Вопрос: Вы не показываете о всей вредительской работе РАТАЙЧАКА и об его связях с агентом иностранных разведок, которые несомненно вам были известны.

Следствие вернется к этим вопросам. А сейчас дайте показания о вредительско-диверсионной работе, которую вы проводили через БИТКЕРА.

Ответ: БИТКЕР, как я уже показывал, проводил вредительство по линии резиновой промышленности. Это вредительство выражалось в следующем:

1. Систематически снижалось качество резиновых изделий, особенно авто-камер и авто-покрышек.
2. Задерживалось проведение необходимых работ по созданию новых изделий для аккумуляторной промышленности (что особенно было важно в целях улучшения качества батарей для подводных лодок).
3. Задерживалось строительство Ярославского резинового комбината и то, что строилось разбросано, с большим омертвлением средств.

4. Главное всячески задерживалась работа по освоению в резиновой промышленности синтетического каучука. Поскольку синтетический каучук освобождает от импортной зависимости было создано сильнейшее сопротивление внедрению в резиновую промышленность.

Всю эту работу БИТКЕР проводил не сам, а через троцкистско-вредительские группы, которые им были созданы на предприятиях резиновой промышленности.

Мною лично был вовлечен в организацию и привлечен к вредительской работе директор Дорогомиловского химического завода Александр МАРЬЯСИН.

С А.МАРЬЯСИНЫМ у меня установились близкие личные отношения с 1932-33 годов, он часто бывал у меня на квартире. Поддерживала с ним связь и моя жена ДИТЯТЕВА.

Контрреволюционные троцкистские связи А.МАРЬЯСИНА обнаруживались постепенно. Лишь, в конце 1935г. я счел возможным рассказать ему об имеющихся директивах ТРОЦКОГО относительно террора и вредительства.

МАРЬЯСИН согласился с этими установками и обещал помочь в этом направлении практически действовать.

На Дорогомиловском заводе проводился срыв необходимых ремонтов, хотя, как передавал мне МАРЬЯСИН, это затруднялось вмешательством рабочей общественности, вот почему мне пришлось помочь ему в этом отношении задерживанием отпуска, необходимых средств и материалов для ремонтов.

МАРЬЯСИН передавал мне также, что он собирается сколотить активную троцкистскую группу на заводе, которую имеет в виду использовать в террористических целях.

Насколько мне известно ничего практического МАРЬЯСИН в этом направлении сделать не успел, так по крайней мере он мне говорил.

По транспорту, вредительскую работу проводил ЛИФШИЦ совместно с СЕРЕБРЯКОВЫМ.

С ЛИФШИЦЕМ, как я уже показывал раньше, у меня существует давнишняя связь. За последние годы, когда ЛИФШИЦ работал на Украине, я с ним несколько раз встречался и имел с ним определенные разговоры. Я сообщил ему о директивах ТРОЦКОГО относительно террора и вредительства. Это было, насколько я помню, в 1932 году.

Когда ЛИФШИЦ, в середине 1935 года был переброшен на работу в Москву в НКПС, то разговоры с ним я вел как с самостоятельным лицом (а не как с членом Украинского троцкистского центра). Я ставил перед ним задачу шире развернуть вредительскую деятельность по линии железнодорожного транспорта, используя свое положение в НКПС. Я предложил ему связаться с СЕРЕБРЯКОВЫМ, который знал условия работы на транспорте лучше меня, имел там связи и совместно с ним приступить к организации вредительства и диверсии на транспорте.

При встречах ЛИФШИЦ информировал меня, что он взялся за выполнение этой директивы. Правда, он мне каждый раз жаловался, что это дается ему очень трудно, т.к. КАГАНОВИЧ здорово перешерстил личный состав транспорта и набрал туда много новых людей.

Из последующей информации ЛИФШИЦА мне было известно, что ему удалось восстановить имевшиеся у него широкие связи с троцкистами на транспорте и он с довольно большим разма-

хом развернул вредительскую и диверсионную работу.

Вопрос: Вы только давали директивы о вредительско-диверсионной работе на транспорте. А сами лично, какое участие в этой работе вы принимали?

Ответ: Конечно, и ЛИФШИЦУ и СЕРЕБРЯКОВУ я помогал во вредительской работе на транспорте, в тех отраслях промышленности НКТП, которые лимитировали работу транспорта.

Вопрос: А конкретнее?

Ответ: Вредительскую деятельность по линии транспорта, начиная с 1936 г., проводил по моему заданию начальник Главтрансмаша НКТП ШЛЕЙФЕР.

До перехода его в 1936 г. на работу в НКТП в Москву, ШЛЕЙФЕР работал на Украине и был там связан с Украинским троцкистским центром, с ЛОГИНОВЫМ. После перехода его на должность начальника Главтрансмаша он по уговору со мной и, как он мне передавал, и с СОКОЛЬНИКОВЫМ осуществлял вредительскую работу в отношении выпуска вагонов и отчасти выполнение военного заказа заводов Главтрансмаша. Помню, в частности, что о срыве военных заказов он говорил в связи с работой по заводу "Красный профинтерн".

Вопрос: В чем выразалось ваше конкретное участие в подготовке террористических актов?

Какие террористические группы были лично вами созданы?

Ответ: Здесь я хочу отметить следующее:

1/ я несомненно был в курсе всей террористической деятельности как главного, так и параллельного центров, хотя

и не знал состава террористических групп;

2/ лицам, которые привлекались непосредственно мной к вредительско-диверсионной работе, я давал также директивы по террору, но больше всего я делал упор на вредительскую работу;

3/ что же касается Москвы и моего непосредственного участия в подготовке террористических актов, то дело обстояло так.

В Москве же со мной была связана троцкистская контр-революционная группа, возглавляемая ЮЛИНЫМ А.И.

Группа ЮЛИНА состояла из него, ЮЛИНА, МОСКАЛЕВА, БИТКЕРА, КОЛОСКОВА, ОСКОЛЬСКОГО, ДОКУЧАЕВА и ДИТЯТЕВОЙ. Группа эта фактически сложилась в 1923 г. и существовала с тех пор почти непрерывно вплоть до моего ареста в 1936 г.. Правда, в течение 1933-34 г.г. группа эта, не проявляла особую деятельность, т.к. ЮЛИН в эти годы находился вне Москвы (на Урале) и упомянутые лица никем не об'единялись.

В 1935г. ЮЛИН, как я показывал, при моем содействии вернулся в Москву и вновь возглавил эту группу. Все лица, входившие в состав этой группы, были осведомлены о существовании террористических и вредительских директив ТРОЦКОГО и разделяли эти установки.

Во второй половине 1935 года у меня был с ЮЛИНЫМ разговор относительно необходимости перехода от организации и обсуждения принципиальных вопросов к практическому осуществлению директив ТРОЦКОГО. Переговорив с ОСКОЛЬСКИМ, КОЛОСКОВЫМ и ДОКУЧАЕВЫМ, ЮЛИН сообщил мне, что они берутся

разработать и подготовить террористический акт против СТА-
 ЛИНА. Участвовать должны были он, ЮЛИН, ОСКОЛЬСКИЙ, ДОКУ-
 ЧАЕВ и КОЛОСКОВ. МОСКАЛЕВ, как человек чрезвычайно близко
 стоявший ко мне (МОСКАЛЕВ мой давнишний личный секретарь)
 не должен был принимать участия в этой практической подго-
 товке. ДИТЯТЕВА тоже непосредственно не должна была при-
 нимать участия, так как провал ДИТЯТЕВОЙ, как и МОСКАЛЕВА
 ставил под угрозу провала и меня самого.

БИТКЕР, как наиболее законспирированный в рядах ВКП/б/
 троцкист должен был в случае необходимости, оказывать мате-
 риальные услуги (например: денежную помощь, квартиры и т.п.).
 Периодически они мне рассказывали о том, что кое-что они
 пытались в этом направлении сделать, но ничего реального
 они предпринять не могли.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

ПЯТ АКОВ.

ДОПРОСИЛИ: НАЧАЛЬНИК 4-го ОТДЕЛА ГУГБ-
 КОМИССАР ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ 3 РАНГА: (КУРСКИЙ)

ПОМ НАЧ 7 ОТД. 4 ОТДЕЛА ГУГБ-
 КАПИТАН ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ: (КОГАН)

В е р н о:

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР 8 ОТДЕЛА ГУГБ-
 ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ:

Голанский
 (ГОЛАНСКИЙ)